

ского ученого Л. А. Кристофа¹³: исходя из них, он проследил состав одного подразделения ремесленников¹⁴ из числа тех, которые обслуживали фиванский некрополь, и установил количественные и персональные изменения, происшедшие в нем за время начиная с 24 года Рамсеса III и кончая третьим гражданским годом Рамсеса IV. Это ОПитри 50 и ОГардинер 113: первый из них, согласно VII таблице Кристофа, должен быть датирован 26 годом Рамсеса III, а второй (исходя из XI таблицы) — третьим гражданским годом Рамсеса IV. К сожалению, ОПитри 50 не имеет даты, зато ОГардинер 113, датированный вторым годом Рамсеса IV и содержащий записи с 1 по 30 число первого месяца *перет*, блестяще подтвердил таблицы, составленные Кристофом.

Значительное число надписей касается имущественных дел ремесленников. Это записи проданных ими изделий своего труда, в том числе саркофагов и деревянных статуй, — красноречивые свидетели того, что, помимо работ, так сказать, служебных, ремесленники могли выполнять частные заказы. Эти и подобные им документы содержат очень ценные сведения о стоимости разных товаров¹⁵.

Имеются черновики купчих на скот. Вот один такой документ (ОПитри 3): «Год 4, третьего месяца *шему*, дня [1] 2. День, когда *маджай* Амонмес приобрел быка у ремесленника Панамона. Дано им в его оплату: сосуд ' } ' } 1, что составляет 30 *дебен*, одеяний *мес*, расписных 2, что составляет меди [5] *дебен*, масла для умащений 10 *гин*, что составляет 5 *дебен*.

Итого денег (*hd*), которых он дал ему: 50 *дебен*».

Четырнадцать остраконов касаются покупок или найма ослов. Один из них (ОГардинер 106) гласит: «Год 27 (Рамсеса III), третьего месяца *шему*, дня 24. Сказал водонос Пашедунахт: «Как существует Амон, как существует Правитель! Если я дам свершиться открытию месяца и я (еще) не оплачу осла Пентауру, я буду под 100 <ударами> и он будет ко [мне] вдвойне»¹⁶.

Перед начальником отряда Хау, художником Небнефером и заместителем (начальника отряда) Хаи».

Текстов, касающихся найма или продажи ослов, довольно много было издано уже раньше. В условиях жизни ремесленников некрополя ослы были важнейшим транспортным средством.

Из числа других остраконов юридического характера некоторые заслуживают большого внимания. Это прежде всего ОНаш 1, датируемый 6 годом Сети II, излагающий процесс некой горожанки Херина, разбиравшийся перед судом (*knb.t sdmjw*), осудившим ее за кражу бронзового инструмента у ремесленника, и ОНаш 2, касающийся сходного дела.

Интересны и другие тексты: обращения к обожествленному Аменхотепу I с просьбой решить различные дела путем оракула и вынесенные богом решения, клятвенные обязательства, записи, касающиеся наследования, и другие.

Значительное число надписей — это письма: их в этом томе издано 45.

Значимость большинства остраконов «нелитературного» содержания, взятых порознь, во многих случаях невелика, но в своей совокупности они исключительно

¹³ L.-A. Christophe, Les enseignements de l'ostrakon 148 de Deir el-Médineh, BIFAO, т. 52 (1953), стр. 113—114.

¹⁴ Наличие этого подразделения и факт упоминания входивших в его состав ремесленников в определенной последовательности был в свое время еще отмечен J. Černý, Datum der Todes Ramses' III. und des Tronbestiegung Ramses' IV., ÄZ, 72 (1936), стр. 115 сл.

¹⁵ Данные подобного рода частично использованы в работе J. Černý, Prices and wages in Egypt in the Ramesside period, «Cahier d'Histoire Mondiale», I (1954), № 4, стр. 903 сл.

¹⁶ Это клятвенная формула. В силу произнесенной клятвы Пашедунахт обязался в случае, если он не оплатит до наступления нового месяца стоимость осла, уплатить двойную сумму.

ценны, так как могут помочь воссозданию широкой картины повседневной жизни древнеегипетских ремесленников. Именно поэтому особенно жаль, что в томе нет указателя имен и званий всех многочисленных лиц, упомянутых в остраконах; их наличие значительно облегчило бы возможность сопоставления нового обширного материала, включенного ныне благодаря трудам обоих авторов в научный обиход, с тем, который был уже известен ранее.

Труд А. Гардинера и Я. Черного содержит образцово изданный разнообразный и ценный во многих отношениях материал: он сослужит огромную службу всякому исследователю, который будет заниматься языком или литературой, историей или экономикой древнего Египта времени Нового царства. Нет сомнения поэтому, что многие ученые будут с большим интересом ожидать продолжения важного начинания обоих авторов — издания иератических остраконов, находящихся в частных собраниях и различных музеях.

Проф. И. Лурье

DIETMAR KIENAST, Cato der Zensor. Seine Persönlichkeit und seine Zeit, Heidelberg, 1954.

Деятельность Катона и сложная интересная эпоха, в которую он жил, не раз привлекали внимание исследователей как в рамках общих работ по истории Рима, так и в специальных трудах. Тем не менее далеко не все вопросы, связанные с его жизнью и деятельностью, достаточно объяснены. Рассматриваемая работа «Катон-Цензор. Его личность и его время» по-новому, в сравнении с трудами других ученых, освещает эту тему.

Книга Дитмара Кинаста состоит из введения, представляющего собой историко-графический очерк, и девяти глав. Многочисленные примечания, ссылки на источники и научную литературу выделены в особый раздел. В конце книги дана краткая библиография и список сокращений. В специальном приложении собраны фрагменты из речей Катона, что безусловно повышает ценность рассматриваемого издания.

Первая глава посвящена разбору источников. Основным источником, по которому можно воспроизвести биографию Катона, Кинаст считает Плутарха, поскольку его сочинения являются в хронологическом отношении последним трудом, кумулирующим сообщения более ранних источников. Анализируя данные Тита Ливия, он отмечает двойственность парисованного им образа Катона Старшего, созданного, с одной стороны, на основе надежных источников, а с другой — под влиянием образа Катона Утического. С большим доверием относится Кинаст к сведениям о Катоне, имеющимся у Корнелия Непота, хотя, как мы увидим ниже, не всегда принимает во внимание его сообщения.

Прежде чем перейти к изучению личности и деятельности Катона Старшего, Дитмар Кинаст останавливается на характеристике римского общества около 200 г. до н. э. Он справедливо отмечает, что руководящее положение в Риме в ту эпоху занимал нобилитет, вышедший из патрицианских и плебейских знатных родов (стр. 25). Экономической основой этого слоя была, по мнению Кинаста, земельная собственность. Количество земли, сконцентрированной в руках отдельных представителей сенаторской знати в конце III в. до н. э., значительно превышало 400 югеров (стр. 26). Что касается политических и моральных воззрений нобилитета, то они заключались в стремлении к продлению славы и почетного положения своего рода (стр. 28, 29). Около 200 г. до н. э. значительно возрастает влияние всадничества. Кинаст правильно связывает это обстоятельство с ростом экономического могущества всадников, разбогатевших на торговых и финансовых операциях, чему способствовал *lex Claudia*.

Значительное место в рассматриваемой работе отведено биографии Катона. Тщательно и детально изучая источники, Кинаст прослеживает и проверяет факты, характеризующие восхождение Катона по общественной лестнице: его военную и адвокатскую деятельность, достижение квестуры, эдилитета, претуры, консулата и, наконец, цензуры.

Восстанавливая канву жизни Цензория, Кинаст особое внимание обращает на следующие вопросы. Во-первых, он, вопреки сообщению Плутарха, утверждает, что Катон был родом из достаточно богатой семьи. В пользу этого говорит сам факт того, что отец его был *eques equo publico*. Да и возможность заниматься адвокатурой была лишь у обеспеченных людей, так как в ту пору защита при обвинениях материально не вознаграждалась. Важным аргументом в пользу происхождения Катона из богатой семьи, выдвинутым Дитмаром Кинастом, является также и то, что будущий знаменитый цензор смог заняться торгово-ростовщическим предпринимательством, а при вступлении в должность эдила дать игры в честь Юпитера. Во-вторых, Кинаст останавливается на отношении Катона к ростовщичеству. Его жестокое обращение с ростовщиками в Сардинии и осуждение ростовщичества в труде «*De agri cultura*» стоят в противоречии с выступлением Катона против *lex Junia de feneratione*, относящемуся к первому десятилетию II в. до н. э. В первом случае, т. е. в Сардинии, по мнению Кинаста, Катон действует во имя сохранения престижа Римского государства; во втором — выступает как заинтересованное лицо, поскольку закон затрагивает и его личные имущественные интересы. Таким образом, противоречие кажущееся. Факты позволяют сделать твердый вывод о том, что уже между 200 и 190 гг. до н. э. Катон занимался торговлей и ростовщичеством, значительно приумножая полученное от отца богатство. Приведенные выше соображения Дитмара Кинаста позволяют ему прийти к заключению, что богатство Катона явилось важнейшим условием его политической карьеры. Это — новая в зарубежной науке и более убедительная трактовка причин возвышения Катона. Она коренным образом отличается от общераспространенного мнения о том, что путь к почетным должностям и высокому положению в государстве открыли Катону прежде всего покровительство Валерия Флакка и его личные качества: одаренность, храбрость, честность, мудрость и т. п.¹

Если не касаться работ, написанных на основе марксистской методологии, то в исторической литературе можно выделить два основных направления в определении социальной сущности политики Катона Старшего. Одна точка зрения, которая ведет свое начало от Моммзена, представляет Катона выразителем интересов римского крестьянства, идеалом древнеримского образа жизни. Согласно второй, Катон является представителем нового слоя римского общества, римских капиталистов. Первыми высказались в таком духе Хейхельхейм², считавший Катона последователем эллинистических дельцов в деле заморских торговых предприятий, и Гуммерус³, видевший в Катоне настоящего капиталиста. Дитмар Кинаст решительно отвергает обе точки зрения и утверждает, что Катон был последовательным сторонником нобилитета, проводником традиционной политики сената. Автор рецензируемой нами книги доказывает, что линия поведения Катона в период исполнения им магистратур была направлена на укрепление позиций нобилей, на упрочение власти сенаторов. В свете таких устремлений Катона следует рассматривать и выступление его против ростовщиков в Сардинии, действия которых подтачивали римское господство на острове, и его борьбу с развивающейся роскошью, которая пагубно сказывалась на моральном состоянии верхушки господствующего класса римского общества, и противоречия между Катонем Старшим и Сципионом Африканским.

¹ К. З е д е р г о л ь м, О жизни и сочинениях Катона Старшего, М., 1857, стр. 4; Реальный словарь классических древностей по Л ю б к е р у, СПб., 1883, стр. 1091; M. G e l z e r, M. Porcius Cato Censorius, RE, Nb. 43, Stuttgart, 1953, стб. 109, 113, 114 и сл.

² F. Heichelheim, Wirtschaftsgeschichte des Altertums, т. I, стр. 502.

³ «Der Römische Gutsbetrieb», 1906, стр. 94.

На последнем следует остановиться более подробно. Прежде всего Дитмар Кинаст считает, что вражда между Катонем и Сципионом историками преувеличена (стр. 114, 115, 134). Цензорий обнаружил несогласие с Африканом лишь после того, как Сципион начал вызывающе пренебрегать традициями. Никакой особой, «сципионовской» линии во внутренней и внешней политике Кинаст не видит, вслед за Ливием (38, 53) утверждая, что Публий Корнелий Сципион Африканский вообще не представлял собой скольконибудь выдающегося государственного мужа, имеющего самостоятельную программу, а был лишь талантливым полководцем. Поведение Сципиона Кинаст квалифицирует как свидетельство его незадачливости, крушение его карьеры — как результат его личной бестактности и отсутствия мудрости.

Нам кажется необходимым отметить, что Дитмар Кинаст недооценивает политическую роль и значение Сципиона. Как и Катон, Сципион был представителем нобилитета, но принадлежал к иной его группировке. И если Катон ориентировался на традиционные устои и на безусловное господство сената, то Сципион, также будучи сторонником сенатского господства, выступал с некоторыми демократическими, хотя и имевшими в конечном счете демагогический смысл, требованиями. Это было обусловлено его тесной связью с солдатами, его необычным для Рима того времени положением полководца, стоявшего во главе начавшей профессионализироваться армии. Отклонение от традиционных политических форм, свойственное Сципиону, вовсе не было случайным явлением, капризом или неудачной выдумкой героя Замы, но вполне закономерным, как показывает вся последующая история II в. до н. э.

Вряд ли можно согласиться и с утверждением, что борьба Катона со Сципионом не носила постоянного и длительного характера. Социально-политическая обстановка II в. до н. э. позволяет, нам кажется, верить сообщению Непота о том, что противоречия между ними существовали на всем протяжении их жизни⁴.

Кинаст, стремясь доказать, что Катон был тиличным представителем нобилитета, отказывается видеть в нем даже исключительного цензора (стр. 85 и след.), в то время как это стало уже общим местом в науке⁵. «Цензура Катона, — пишет он, — стоит в условиях своего времени отнюдь не одиноко, но является лишь первой в ряду совершенно одинаковых цензур» (стр. 86). Важнейшим пунктом его цензорской программы была широкая строительная деятельность, характерная и для последующих цензур 179, 174 и 169 гг. до н. э. Объяснение этому Дитмар Кинаст видит в изменившейся экономической ситуации после первой и второй Пунических войн, в превращении Рима в город мирового значения, что было понято Катонем первым среди всех нобилей. Превращение Рима в мировой город действительно стимулировало строительство как в самом Риме, так и в других местностях и городах Италии. Последнее обстоятельство следует, как нам кажется, связывать с союзнической политикой Рима, поскольку особенное внимание было обращено на украшение и благоустройство римских колоний. Строгое проведение *regimen togum*, по мнению Кинаста, также не стоит изолированно, потому что цензоры 174 и 169 гг. до н. э. действовали весьма строго и решительно. Поэтому исключительность Катона заключалась лишь в той добросовестности, с какой он нес традиционные обязанности цензора.

Вопреки установившемуся в исторической науке мнению о том, что Катон был ярким греконенавистником, Дитмар Кинаст высказывает оригинальное суждение (стр. 103, особ. 116). Тезис о греконенавистничестве Катона он считает ошибкой, основанной на недостаточном изучении фактов катоновой биографии. Кинаст обращает внимание на воспитание Катонем своего сына. Его наставления сыну он считает, по сути дела, римским вариантом эллинистического *ἐγκύβλιος παιδεία*. Методы ведения хозяйства, пропагандируемые Катонем в его трактате «*De agri cultura*», он сбли-

⁴ Согл. Nepot. *Vitae excellentium imperatorum quoad extant...*, Lipsiae, 1853, c. I., 3: *Quaestor obtigit P. Africano, consuli, cum quo non pro sortis necessitudine vixit: namque ab eo perpetua dissentit vita.*

⁵ M. Gelzer, *M. Porcius Cato Censorius*, RE, Nб. 43, стб. 126.

жает с эллинистической агрономической наукой. Наконец, подтверждение своей мысли Кинаст видит и в дружбе Катона с Полибием.

Наблюдения Кинаста о влиянии эллинистических принципов образования и воспитания на наставления Катона своему сыну представляются нам интересными. Безусловно правильным является, на наш взгляд, и то, что Катон использовал достижения современной ему, в том числе и эллинистической, сельскохозяйственной науки. Однако значительно преувеличенными выглядят в концепции Кинаста отношения Катона с Полибием, что справедливо было отмечено Эргоном⁶. Нам кажется, что аргументация Кинаста не дает оснований к тому, чтобы говорить о грекофильстве или хотя бы даже о спокойном отношении Катона к распространению и влиянию греческой культуры на Рим. Его идеалом было «*mos maiorum*». Проникновение греческой философии и греческих обычаев и нравов в римскую жизнь он находил пагубным, растлевающим и активно боролся против этого.

Книга Дитмара Кинаста представляется нам интересной в первую очередь не по тщательному изучению биографии Катона, а в связи с попытками объяснить его деятельность, исходя из социально-экономических условий современной ему эпохи. Многие наблюдения Кинаста весьма интересны и основательны. Нельзя, как мы уже отмечали выше, не согласиться, например, с тем, что Катон происходил из очень обеспеченной семьи и что его богатство оказалось важнейшей предпосылкой для его успешной карьеры. Правильным является и заключение о том, что Катон был представителем и выразителем интересов римского нобилитета.

Заслуживает внимания стремление Кинаста оценить значение Катона Старшего для своего времени. Автор книги видит в Катоне крупную личность не только в силу его дарований, но и потому, что он вернее и раньше других понял потребности своего времени (стр. 135). Однако вызывает сомнение сам вывод. Кинаст безусловно переоценивает Катона. Все направление политики Цензория было консервативным. Рим неуклонно развивался в сторону рабовладельческой империи, и политические формы, в пользу которых ратовал Катон, становились с течением времени на этом пути все большей помехой.

И. Маяк

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Эгейское племенное наименование в раннединастических древнеегипетских текстах. — К начальной хронологии хеттов. — К происхождению касситов. — Родина филистимлян. — Новые фасосские надписи. — Диофант из Сфетта (новые просопографические данные). — Дата опубликования «Записок о галльской войне» Юлия Цезаря. — Северочерноморское женское божество в Риме. — По поводу находки фрагментов скульптурной группы Лаокоона

ЭГЕЙСКОЕ ПЛЕМЕННОЕ НАИМЕНОВАНИЕ В РАННЕДИНАСТИЧЕСКИХ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ ТЕКСТАХ

Тридцать лет тому назад Эйслер¹ высказал предположение о том, что в древнеегипетском H3w-pbwт звучит имя эллинов. Основанием для этого предположения послужило то обстоятельство, что египтяне прилагали это наименование к грекам в поздних надписях, начиная с саисской эпохи.

⁶ «Revue des Études Latines», т. 32, 1955, стр. 357—359.

¹ P. E i s l e r, «Caucasica», 5 (1928), стр. 73.

П. Монте в ряде статей² показал, что первая часть этого имени, иероглифически изображаемая в виде заросли папируса, должна звучать *hlw* или *helu*, вторая же часть имени, по его мнению, означает корабль и должна быть сопоставлена с греческим *ναῦς* (*ναύτης*). Древнейшие упоминания этого имени, встречающиеся в эпоху IV и V династий в Текстах пирамид (629 В и др.), возможно, являются отражением значительной более древней традиции³.

Ж. Веркуттер, посвятивший выяснению значения имени *H³w-nbwt* обширное исследование⁴, допускает его существование уже в додинастическую эпоху. Однако он категорически возражает против сопоставления этого имени с именем *Ἑλλήνες*⁵, в первую очередь потому, что критяне и другие эгейские жители, с которыми могли иметь дело древние египтяне в III — II тысячелетиях до н. э., по его мнению, не были греками и не могли носить имени эллинов. Надо сказать, что против этого утверждения, совершенно неправомерного после того, как критомикенские надписи прочтены именно на греческом языке, П. Монте не выдвигает никаких возражений, даже в самой последней своей работе, опубликованной в 1956 г., т. е. уже после дешифровки линейного письма В.

Между тем, факт бытования греческого языка на о. Крите и на берегах Эгейского моря, во всяком случае на рубеже III — II тысячелетий до н. э., более всего оправдывает возможность сопоставления имени *H³w-nbwt* с *Ἑλλήνες* и *ναῦς*. Это же обстоятельство позволяет предполагать существование в тот же период племенного наименования «*Ἑλλοι* (или *Σέλλοι*)» в южной части Эгеиды, тогда как обычно распространение его к югу Эгейского бассейна связывалось с переселением дорийцев⁶.

Возможность проникновения этого имени в Египет в столь раннее время устанавливается рядом памятников материальной культуры, подтверждающих наличие связей между Египтом и Критом, начиная с раннединастического времени, а позднее также и с другими островами Эгейского моря и с материковой Грецией. Как известно, наличие египетских и египтизирующих предметов раннединастических типов на о. Крите позволило в свое время Уосу⁷ утверждать, что Крит был колонизован из Египта, а рост количества критских вещей, преимущественно керамики, в Египте, начиная с эпохи XII династии, заставил Э. Мейера⁸ и других ученых говорить о наличии политического союза между Египтом и Критом в эпоху Нового царства.

Если подобные утверждения не имеют под собою достаточно прочных оснований, то о тесных связях между Египтом и эгейским миром свидетельствует значительная изобразительная традиция, частота упоминаний и множественность имен, под которыми критяне и другие обитатели берегов Эгейского моря фигурировали в египетских документах.

Из этих имен в первую очередь должно быть названо имя Кефтину⁹, в особенности в предполагаемой более древней форме *Keftor* (сопоставляемое с библейским Кафтор)

² P. M o n t e t, *Le nom des grecs en ancien égyptien et l'antiquité des grecs en Egypte*, RA, XXVIII (1947), 2, стр. 129 сл.; он же, *Nouvelles études sur les Helou-Nebout et sur leur activité*, RA, XXXIV (1949), 2, стр. 129 сл.; он же, *Nouvelles études sur les Helou-Nebout*, RA, XLVIII (1956), 2, стр. 1 сл.

³ A. U. G a r d i n e r, *Ancient Egyptian Onomastica*, I, 1947, стр. 206 сл.

⁴ J. V e r c o u t t e r, *Les Naou-Nebout*, «Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale», XLVI (1947), стр. 125 сл.; XLVIII (1949), стр. 107 сл.

⁵ См. J. V e r c o u t t e r, *Essai sur les relations entre Egyptiens et Préhellènes*, P., 1954, стр. 37 сл.

⁶ U. W i l a m o w i t z-M ö l l e n d o r f, *Euripides Herakles*, I, 1895, стр. 1, прим. 1. Ср. M. V e n t r i s and J. C h a d w i c k, *Documents in Mycenaean Greek*, 1956, Index: *Ekhelawokos* и др. имена.

⁷ A. J. B. W a s e, *САН*, I, 1928, стр. 591.

⁸ E. M e y e r, *Geschichte des Altertums*, II, 1, 1928, стр. 54 сл.

⁹ См. V e r c o u t t e r, *Essai*, стр. 64 и 68 сл.